

ВВЕДЕНИЕ

При знакомстве с культурой и бытом чужого народа первое, что бросается в глаза наряду с отличиями в материальной культуре, — особенности поведения в стандартных ситуациях, причем специфические черты поведения наиболее отчетливо проявляются в сфере общения. Когда в сочинениях предшественников этнографической мысли (Геродот, Страбон, Тацит, Монтень и др.) речь заходит о том, чем отличается один народ от другого, не случайно прежде всего упоминаются «странные» обряды, обычаи и привычки.

По сути дела именно различия правил поведения в сходных ситуациях стимулировали тот интерес к быту разных народов, которому в конечном счете обязана своим возникновением этнография. Не будет преувеличением сказать, что первые этнографические описания относились именно к правилам общения, причем речь шла не о самом этикете, а об обычаях и обрядах, из которых этикет выделился сравнительно поздно. Как это нередко бывает в истории науки, то, с чего она начиналась, постепенно было оттеснено на периферию. По мере становления этнографии, включения в сферу ее интересов новых областей культуры (фольклор и мифология, обычное право, материальное производство), описания этикета постепенно стали перемещаться на страницы научно-популярных и беллетристических изданий.

Между тем получить представление о культуре народа, не зная специфических правил его поведения, практически невозможно. Как мы убеждаемся ежедневно, проблемы национальных отношений не только не затухают, но становятся все более острыми и актуальными. Утопические проекты о «мире без России, без Латвий», кажется, уже показали свою полную несостоятельность. Полнокровное существование человечества как раз и обеспечивается разнообразием культур, вариативностью

форм человеческого поведения, психологии, мышления. Знание традиционной культуры поведения не только дает нам возможность нормально общаться с представителями других национальностей, но и учит уважать чужие обычаи, какими бы странными и нелепыми они ни казались на первый взгляд.

В последние десятилетия во всем мире пробудился повышенный интерес к этикету. Новые перспективы его изучения открылись благодаря применению лингвистических и семиотических процедур описания и анализа коммуникации и поведения в человеческом обществе. Рост интереса к вопросам этикета в немалой степени объясняется и новым осмыслением самих феноменов общения и поведения. Их исключительная роль в функционировании всех систем культуры привлекла внимание специалистов по теории коммуникации, лингвистике, семиотике, психологии, социологии, этнографии. Бурный прогресс в этих областях привел к образованию новых субдисциплин и отраслей научного знания, таких как паралингвистика, этнография общения, психолингвистика, проксемика, кинесика и др.

Слова «этикет» и «этика» воспринимаются как близкие по значению. И это естественно. К такому восприятию подталкивает не только сходство самих слов, но и теснейшая связь этих понятий. Однако на самом деле эти слова сблизились сравнительно поздно. Слово «этикет» заимствовано из французского языка, а «этика» — из латыни. Французское слово *étiquette* имеет два значения: 1) «ярлык», «этикетка», «надпись» и 2) «церемониал», «этикет» — и в свою очередь заимствовано из голландского *sticke* («колышек», «шпенек») и первоначально обозначало колышек, к которому привязывалась бумажка с названием товара, позднее — и сама бумажка с надписью. На основе значения «надпись» развилось более узкое значение — «записка с обозначением последовательности протекания церемониальных действий» и далее — «церемониал». Еще в начале XX в. слово «этикет» могло обозначать в русском языке «ярлык, наклеиваемый на бутылки и обертки товаров, с обозначением названия фирмы, торговца и производителя», однако закрепилось с этим значением все же слово «этикетка».¹

Само понятие «этикет» обособилось сравнительно недавно. Определить его границы и сегодня не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Обычно под

этикетом понимается «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)». ² Это определение, однако, не учитывает различий между бытовыми, этикетными и ритуальными ситуациями, ведь «поведение в общественных местах», «обхождение с окружающими» могут иметь как чисто бытовой, сугубо утилитарный характер, так и ритуальный, предопределенный мифологическим сценарием, а не только этикетный.

Более корректным представляется определение этикета, предложенное Т. В. Цивьян: под этикетом «понимаются такие правила ритуализованного поведения человека в обществе, которые отражают существенные для данного общества социальные и биологические критерии и при этом требуют применения специальных приемов (так как в широком смысле любое поведение цивилизованного человека можно считать этикетным). . . Указывая определенные отношения и связи, существующие в данном коллективе, этикетное поведение помогает выявить его структуру. Практически это достигается переводом на язык этикета того фрагмента языка фактов, в котором существенны различия в поле, возрасте и общественном положении. Поэтому основной функцией этикетной коммуникации с точки зрения прагматики будет определение относительного положения каждого члена в обществе, притом произведенное таким образом, что оно верно отражает разбиение в человеческом коллективе и удовлетворяет обе стороны, вступающие в общение». ³ В этом определении уловлены существенные черты этикета, однако и оно не может нас вполне удовлетворить, ибо по существу здесь речь идет об общении в целом, а не об этикете как его специфической форме. Очевидно, что понятие общения гораздо шире этикета. Этикет всегда реализуется в общении, но не всякое общение является этикетом.

Будем исходить из того, что любой акт общения предполагает наличие по меньшей мере двух партнеров, имеющих определенный коммуникативный статус. Под этикетом в таком случае мы будем понимать совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению.

Это рабочее определение нуждается, однако, в целом ряде разъяснений и дополнений, которые мы далее постараемся дать. Пока же отметим, что этикет имеет чрезвычайно неопределенный феноменологический статус: он может быть рассмотрен и как определенная система знаков, и как специфическая форма регуляции человеческого общения, и как особая форма поведения. Все три подхода (условно говоря, семиотический, коммуникативный и поведенческий) в равной степени приемлемы, вопрос не в том, чтобы выбрать один из них, наиболее отвечающий сущности этикета, а в том, чтобы найти их сочетание, которое бы позволило наилучшим образом выявить эту сущность.

Этикет в коммуникативном аспекте. Из того факта, что этикетная ситуация всегда коммуникативна, вытекает ее принципиальная диалогичность. Этикет — всегда диалог, даже в том случае, если участники общения разделены пространством и временем. Именно поэтому можно говорить, например, об «эпистолярном этикете» или «литературном этикете». По словам Т. В. Цивьян, «выполнение каждого правила всегда направлено на определенного адресата и требует обязательного ответа (хотя бы в степени «замечено»)». Этикетное поведение обычно рассчитано на двух адресатов — непосредственного и дальнего («публику»); в этом смысле его можно сравнить с действиями актеров, ориентированными одновременно на партнера и на зал.⁴

Коммуникативные роли участников общения взаимно обусловлены; с одной стороны, они определяются и полорозовозрастными и социальными ролями, а с другой — являются функцией от самого коммуникативного акта и задаются, конституируются им.

Началу общения предшествует стадия ориентации, когда каждый партнер выбирает свою тактику поведения. Для того чтобы осуществить такой выбор, необходимо учесть целый ряд параметров коммуникативной ситуации и в первую очередь соотнести свой статус со статусом партнера. В качестве дифференцирующих при оценке коммуникативных статусов выступают такие признаки, как пол, возраст, общественное положение, национальность и конфессиональная принадлежность, родственные связи или их отсутствие, степень знакомства и некоторые другие. В каждом конкретном случае одни признаки актуализируются, другие же нейтрализуются. Понятно, что акту-

изируются различия, а нейтрализуются совпадения. Чем больше признаков, по которым участники общения не совпадают», тем обычно выше степень этикетности ситуации и обязательность соблюдения правил.

В конечном счете все актуальные для этикета противопоставления могут быть представлены (свернуты) в виде оппозиции выше — ниже или старше — младше, понимаемой в социальном смысле, ибо для этикета важен сам факт неравенства. Этикет в первую очередь и призван обеспечить общение неравных (по тем или иным параметрам) партнеров. С этой точки зрения он служит своеобразным «механизмом балансировки» общения. Поэтому этикет — это всегда компромисс, заключаемый на взаимоприемлемых условиях.

Ролевая структура коммуникативной ситуации в традиционной культуре имеет определенную специфику. Во-первых, человек всегда ведет себя с учетом того, что над ним наблюдают некие высшие силы, причем и ритуал, и этикетная ситуация могут быть организованы таким образом, чтобы обеспечить непосредственное участие этих сил. В целом ряде случаев один из партнеров выступает от лица Бога, умерших родственников, хозяев иного мира и т. п. Соответственно вербальные и поведенческие тексты, которые им порождаются, как бы исходят не от него лично, а от тех высших сил, представителем которых он является.

Во-вторых, в качестве партнера по коммуникативному акту может выступать не только человек, но и практически любой другой объект, который приобретает человеческие атрибуты в акте общения. Происходит своеобразная «тотальная антропоморфизация» природы. Таким образом, правила этикета могут соблюдаться не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к зверю, дереву, земле, а также духам предков, персонажам народной демонологии и т. д.

Все это придает традиционному этикету чрезвычайно своеобразный характер.

Этикет в семиотическом аспекте. В семиотическом аспекте этикет представляет собой определенную систему знаков, имеющую свой словарь (набор символов) и синтаксис (правила сочетания знаков и построения текстов).

Словарь этикета включает набор поведенческих стереотипов, маркирующих те или иные ситуации (например,

при встрече со знакомым необходимо выбрать одну из форм приветствия, при разговоре совершить выбор между «ты» и «вы» и т. д.). Этикетные знаки, как и всякие знаки, имеют двустороннюю природу: в них могут быть выделены означающее (форма) и означаемое (содержание). Как и в естественном языке, связь между означающим и означаемым условна, однако не произвольна.

Совокупность этикетных знаков обладает определенной системностью, их значимость выявляется только из взаимной соотнесенности. Наиболее ярким свидетельством системного характера этикета является то, что отсутствие предполагаемого этикетного знака в типовой ситуации воспринимается не менее, а порой и более напряженно, чем его наличие. Этикетные знаки упорядочены в парадигматическом отношении (человеку предоставляется возможность выбора одного из совокупности знаков, маркирующих ту или иную ситуацию), а также в синтагматическом отношении (выбор некоего знака влечет за собой с большей или меньшей степенью обязательности соответствующий подбор последующей цепочки).

Этикет относится к так называемым вторичным моделирующим системам, надстраиваемым над первичной моделирующей системой — языком. Это принципиальное положение восходит к известному тезису одного из основателей семиотики французского лингвиста Фердинанда де Соссюра: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем».⁵

Основополагающий характер для лингвистики, как и для семиотики в целом, имеет разграничение языка и речи. Согласно традиции, восходящей к Ф. де Соссюру, под языком понимается «социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка».⁶ Язык как явление социальное реализуется во множестве индивидуальных актов речевой деятельности, которые в совокупности и составляют речь.

Нетрудно заметить, что в этикете тоже есть своего рода «язык», отражающий идеальную поведенческую норму, и «речь» — совокупность конкретных поведенческих актов. В то же время их соотношение имеет принципиально иной характер, нежели в естественном языке.

Владение последним в значительной степени имеет неосознанный характер, в то время как этикет подразумевает высокую степень осознанности и творческой активности. Идеальная норма поведения, зафиксированная в этикете, отнюдь не всегда совпадает с реальным поведением. Во-первых, знать норму — еще не значит соблюдать ее; при определенных обстоятельствах человек не считает нужным следовать этикету или даже сознательно его нарушает. Во-вторых, поскольку культура того или иного народа всегда представляет собой гетерогенное образование и состоит из ряда субкультур, то и культура поведения никогда не бывает полностью единообразной, предполагает возможность выбора различных стилистических вариантов. Наконец, идеальная норма и реальное поведение при общей соотнесенности друг с другом могут вообще существовать как бы в разных плоскостях, практически не пересекаясь друг с другом. В подобных случаях реальное поведение не является формой реализации этикетной нормы, а их сопоставление представляет особый интерес. Такая ситуация характерна, в частности, для допетровской Руси, где идеальные нормы воплощались в христианстве, а повседневная жизнь в значительной степени определялась дохристианской традицией.

Степень жесткости, обязательности выполнения тех или иных правил зависит и от стилистики поведения в тех или иных сферах общения. На разных полюсах располагаются повседневность и церемониал. В будничной жизни нарушения этикета хотя и не приветствуются, но, как правило, не влекут за собой серьезных последствий. А вот нарушение правил церемониала может оказаться весьма неприятным.

Специфичность этикета по сравнению с естественным языком обусловлена и другими факторами. Во-первых, каждая из подсистем этикета, охватывающая совокупность знаков с определенной субстанциональной природой (вербальные средства, этикетные жесты и т. д.), надстраивается над соответствующей коммуникативной системой (язык, жесты и т. д.) и может быть рассмотрена не только как подсистема этикета, но и как определенное образование внутри этих систем. Во-вторых, этикет имеет ярко выраженный ситуативный характер. Необходимость выбора того или иного этикетного знака в первую очередь обусловлена специфической ситуацией, причем набор таких ситуаций ограничен и может быть задан списком

(встреча, прощание, застолье, прием гостя и т. д.). Язык этикета предназначен для передачи вполне определенного, достаточно узкого круга значений. «Знаки этикета не выражают понятий, не называют ситуаций, а передают наши представления о ситуации».⁷

Наличие готовых стереотипов избавляет человека от необходимости конструировать каждый раз заново схемы общения. С другой стороны, само разнообразие поведенческих тактик обеспечивается тем, насколько велик выбор стереотипов, т. е. какие возможности предоставляет человеку система этикета. «Роль языка сводится к тому, что он выступает средством знакового хранения стандартов поведения, учитываемых при планировании будущих действий».⁸

В поведенческих стереотипах в обобщенном виде присутствует социальный опыт. С их помощью и через их посредство человек конкретизирует и типизирует не только ситуацию общения в целом, но и коммуникативные роли партнеров, в том числе свою собственную роль. Таким образом, реализуется одна из важнейших функций этикета — функция этнической и социальной идентификации.

Этикет и система ценностей. Этикет — двуединый феномен. Одной своей стороной он укоренен в моральных нормах и ценностях и органически связан с ними, другой проявляется в эмпирически наблюдаемых формах поведения. Между, условно говоря, «грамматикой» этикета и ее реализацией в качестве совокупности этикетных текстов существуют те переменные (пол, возраст, социальное положение и т. п.), с учетом которых происходит преобразование исходных принципов в конкретный текст. Действие механизма такого преобразования основано на владении техникой общения, представленной в виде знаний, умений, навыков.⁹

Поведение человека в традиционной культуре регламентировалось целым рядом механизмов, которые сложно взаимодействовали друг с другом. Так, и для христиан, и для мусульман характерен синтез религиозного и светского права (шариат и адат у ряда исламских народов), причем межэтническая культурная близость, возникающая в результате, несравненно значительнее у мусульман, чем у христиан. Во всяком случае можно говорить, хотя и с оговорками, об «общемусульманском этикете», но нельзя — об этикете «общехристианском».

Шариат регулировал собственно религиозные обязанности мусульманина, юридические нормы и наказания. С точки зрения шариата все действия и поступки людей делятся на пять категорий: 1) обязательные и необходимые; невыполнение их наказывается, а выполнение — вознаграждается; обязательные действия включают те, которые составляют святую обязанность (молитва) и дополнительную (паломничество); 2) рекомендуемые действия — их выполнение также вознаграждается, но невыполнение не влечет за собой наказания; 3) дозволенные действия; 4) предосудительные, но не наказуемые; 5) запрещенные и наказуемые.¹⁰

Адатом контролировалась главным образом семейная жизнь человека и его хозяйственная деятельность. Большое влияние нормы обычного права оказывали и на юридическую практику. В адате многих мусульманских народов нашли свое выражение такие принципы, как почитание старших, забота о детях, гостеприимство и др. Обычай требовал от человека быть щедрым, храбрым, стойким, терпеливым, сдержанным в речах и т. п.

Сам этикет у ряда мусульманских народов не выделен в отдельную систему. Он как бы растворен в шариате и адате. У других же народов, например в мусульманских культурах Кавказа, этикет образует особую, выделенную из шариата и адата сферу культуры. Вообще этикет может почти полностью растворяться в других формах поведения — быть не выделенным или слабо выделенным, а может, наоборот, представлять вполне самостоятельную, четко ограниченную сферу культуры. Примером такой этикетной системы, влияющей на все остальные формы поведения, является абхазский аламыс. «Аламыс» (или «намус») — сложное понятие, с трудом поддающееся точному определению. В самом общем виде его можно определить как систему нравственных ценностей, соблюдение которых выражается в высокопрестижном поведении. Абхазский аламыс — своего рода кодекс чести. Вместе с тем это образ жизни и тот нравственный идеал, к которому человек должен стремиться. «Смысл жизни в аламысе», — говорят абхазы.

Все то, что считается высоконравственным и достойным человека, относится к аламысу и определяется им. Поэтому такие нормы и правила, как не беспокоить людей, не оскорблять даже непорядочного человека, почтительно и доброжелательно относиться к окружающим, доводить

дело до конца и множество других — все это аламыс.

Как отмечают исследователи, особенность абхазского аламыса состоит в том, что это не только внутренний нерв всего поведения абхазов, но и главная черта их мировосприятия, всей совокупности представлений об обществе и природе.¹¹ Эта система взглядов, определяющая характерные черты абхазского поведения («абхазство»), по словам Ш. Д. Инал-Ипа, является своеобразной национальной философией.¹²

Система моральных установок, определяющих характер общения у самых разных народов, включает набор универсальных, общечеловеческих ценностей: почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство, понятия чести, достоинства, скромность, толерантность, благожелательность и др. Однако иерархия ценностей, культивируемых и традиционно поддерживаемых в том или ином обществе, как правило, имеет свои особенности. Именно иерархия качеств специфична для таких традиционных этических систем, как гири в Японии или намус мусульманских народов.

Принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. Почитание родителей занимает одну из верхних строк в мусульманской системе моральных ценностей и весьма слабо выражено у европейских народов. Следует, однако, учитывать, что принятая в том или ином обществе иерархия принципов всегда является идеальной. В реальных условиях она легко трансформируется. В зависимости от характера ситуации на первый план выдвигается тот принцип, который является конструктивным именно для нее. Например, независимо от положения в идеальной системе таких качеств, как достоинство, честь, «сохранение своего лица», в экстремальной этикетной ситуации скорее всего именно они будут определяющими.

Можно говорить о том, что при обучении этикету основной упор делается или на обучение технике, или на обучение нормам. При этом наблюдается следующая закономерность: для тех культур, в которых этикет не потерял связь с «корнями», где он тесно сопряжен с верованиями, религией, ритуалами, на первый план выходит обучение нормам. Там, где такие связи утрачены, внимание уделяется в основном внешней стороне поведения. Если в традиционном обществе этикет является непосредственной реализацией моральных ценностей, то в культуре

современного европейского типа он чаще всего представляет набор технических приемов с примитивными формулировками типа: «Нужно делать так, потому что иначе — неприлично».

Одни и те же стандартные ситуации могут быть разыграны с разной степенью вежливости, присущей тому или иному народу. При этом в одних традициях вежливость выступает в гипертрофированной форме, а в других проявляется в меньшей степени. На одном полюсе — высоко ритуализованное поведение кавказских народов, которых иностранцы в этом отношении не раз сравнивали с французами, а на другом — хорошо знакомые каждому из нас бытовые ситуации, когда общее равнодушие становится благодатной почвой для хамства.

Две точки зрения в этикете. Выявление «внутренних регуляторов» поведения сопряжено со многими трудностями. Мы получаем ту или иную картину в зависимости от того, с какой точки зрения ведется описание: одно дело, если структура моральных норм дается «изнутри», и совсем другое — если с позиций другой культуры. В первом случае «свое», как правило, оценивается положительно, во втором — картину нередко искажают обыденные, подчас субъективные представления о «характерных» чертах чужого народа.

Вообще различие разных точек зрения имеет фундаментальное значение для этикета. Наиболее характерными памятниками, отражающими внешнюю точку зрения, являются записки путешественников, внутреннюю — тексты типа «Домостроя» или современных пособий на тему «Как вести себя в обществе».

Внешняя и внутренняя точки зрения предполагают существенно разные принципы прочтения поведенческого текста. Посторонний наблюдатель воспринимает его нерасчлененно, без предварительно заданного деления на значимое и незначимое, выделяя не то, что наиболее важно с позиции носителя традиции, а то, что более всего отличается от привычных ему форм поведения. Смысл происходящего проясняется ему постепенно, из объяснений местных жителей, по мере погружения в чужую культуру. Здесь будет уместной аналогия с восприятием книги на незнакомом языке: человек рассматривает расположение текста, шрифт, переплет, но еще не знает, о чем в ней говорится.

Для носителя традиции изначален и наиболее значим даже не поведенческий текст сам по себе, а те механизмы,

которые порождают текст и как бы остаются в его глубине: система ценностей, религиозные, нравственные, психологические и другие установки. Продолжая сравнение с чтением книги, можно сказать, что носителю традиции незачем вникать в содержание книги: заглядывая в нее, он лишь припоминает то, что ему и без того хорошо известно. Целые фрагменты действительности просто не замечаются, поскольку не наделены смыслом, как не сосредоточивается внимание читателя на переплете книги, выходных данных и т. п.

Внутренняя точка зрения позволяет выявить этические, нравственные, религиозные, социальные и иные основы этикета, однако она чревата и определенной односторонностью: как человек, так и народ в целом склонны идеализировать свой образ; «грамматика» этикета при этом незаметно подменяет жизненную реальность. Отдельным поведенческим чертам, имеющим межэтнический характер, приписывается узконациональная принадлежность; предполагается, что они свидетельствуют о высоких нравственно-этических свойствах именно данного народа и — хотя это может и не эксплицироваться — ставят его выше других народов.

Внешней точке зрения более соответствует иной тип исследования — основанный на привлечении сравнительного материала по многим народам, географически и исторически удаленным друг от друга. При таком подходе основное внимание переносится на инструментальную сферу, причем выявляется значительная условность, конвенциональность этикетных знаков. Действительно, привлечение разнообразного в географическом и историческом отношении сравнительного материала очень скоро выявляет полную условность любого этикетного правила или запрета. Этнографов особенно интересует это многообразие мира, несводимость друг к другу разных традиций.

Объективный подход, по-видимому, заключается в том, чтобы попеременно вставать то на внешнюю, то на внутреннюю точку зрения — то выявлять условность поведенческих стереотипов, привлекая сравнительный материал, то показывать их глубокую укорененность в культуре каждого конкретного народа. Нужно особо подчеркнуть, что объективность дается не какой-то одной «единственно правильной» точкой зрения, а признанием их множественности, умением попеременно смотреть на предмет исследования то с одной, то с другой стороны.

Этикет как особая форма поведения. Специфика этикета как особой формы человеческого поведения определяется в первую очередь его игровым характером. Наиболее простая тактика этикетного поведения заключается в том, что участники коммуникативного акта ведут себя в более или менее точном соответствии со своими социальными и коммуникативными статусами. При этом общение между равными партнерами, как правило, дает большую свободу выбора, чем в случае их неравенства.

Каждый участник коммуникативного акта пользуется своим индивидуальным набором этикетных средств, однако в процессе общения вырабатывается некий единый, общий для партнеров код. Особый интерес представляют случаи, когда участники коммуникативного акта ведут себя не в полном соответствии со своим статусом. Собственно говоря, только умение обыгрывать, изменять и даже разрушать свой коммуникативный статус, не только соблюдать правила, но в определенных ситуациях и нарушать их позволяет говорить об этикете как творческой деятельности, об искусстве общения.

В традиционном обществе человек обращен к окружающим прежде всего своими социальными атрибутами, а не личными свойствами: он член семьи, рода, общины и т. д. Именно социально-общественные и семейно-родственные характеристики и определяют в первую очередь его коммуникативный статус. Соответственно нарушение этого статуса со стороны воспринимается как покушение на социальную идентичность и оценивается резко негативно. «Искусство общения» в такой ситуации заключается в возможно более точном соблюдении поведенческих стереотипов, которые к тому же требуют подчас владения достаточно сложными техническими навыками (например, разделка туши и подача мяса к столу у некоторых народов, занимающихся скотоводством, представляют собой сложное ритуализованное действие).

В современной культуре «искусство общения» заключается не столько в том, чтобы сохранить свой статус, сколько в умелом и разумном приспособлении его к конкретной ситуации. Наиболее высоко оценивается не буквальное соблюдение правил, а умение в случае необходимости нарушать их. В связи с этим резко возрастает и роль личности. Вместо обязательных предписаний и запретов ритуализованного поведения — творческое обыгрывание существенно более мобильных норм.

Впрочем, и здесь можно говорить только о тенденции, поскольку и в современном этикете имеется довольно существенный пласт предписаний, подразумевающих обязательное, автоматическое исполнение (например, обращение со столовыми приборами), однако их удельный вес значительно меньше, чем в традиционном обществе.

Стереотипы этикетного поведения можно разделить на обязательные и факультативные. В первом случае речь пойдет о значениях, которые не могут не быть выражены человеком, вступающим в общение, о случаях, когда выбор одного из знаков обязателен (например, выбор между «ты» и «вы»), во втором — о значениях, которые могут быть выражены, но могут и не быть выражены, т. е. о ситуациях, когда возможен выбор между необходимостью выбора и отсутствием такой необходимости.

Историческое развитие этикета в определенном аспекте может быть представлено как движение от примата обязательных форм к примату факультативных. На наиболее ранней стадии следование поведенческим стереотипам в принципе обязательно. Строго говоря, такое поведение не может быть названо этикетным, поскольку у вступающих в общение нет возможности выбора. Можно провести такую параллель: если водитель автомобиля ждет, пока мы перейдем улицу на зеленый свет, нелепо называть его поведение этикетным, он просто соблюдает правила уличного движения, но если шофер останавливает свою машину посреди улицы, предлагая пешеходу перейти дорогу перед ней, то можно назвать его поступок вежливым, или этикетным. Вежливость начинается там, где кончается целесообразность, хотя в вежливости, несомненно, есть целесообразность более высокого порядка.

Этикет и ритуал. При сравнении культуры современного европейского типа с какой-либо традиционной культурой бросается в глаза, что многие ситуации, которые в первой регулируются правилами этикета, во второй имеют существенно более ритуализованный характер. Соответственно в традиционной культуре этикет не отделен окончательно от ритуала. Мы говорим: «этикет гостеприимства» и «ритуал гостеприимства», однако второй вариант не имеет для нас буквального смысла. Между тем в традиционной культуре прием гостя представляет собой определенный ритуал со своим мифопоэтическим сценарием и правилами его разыгрывания и прочтения.